

О. В. Мартышин⁴

РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Политическая и правовая культура как составная часть культуры общества складывается в основном естественным, эволюционным путем, представляет собой продукт длительного исторического развития, определяется условиями и традициями национальной жизни. В то же время государство небезразлично к политической и правовой культуре, пытается активно воздействовать на нее. В истории любого государства бывают периоды, когда это

воздействие особенно активно. Обычно они совпадают с крупными реформами и революциями, как удавшимися, так и неудавшимися.

В России последних трех столетий выделяется несколько периодов особой активности государства в формировании политической и правовой культуры:

— эпоха реформ Петра I, **покончившая с традиционным укладом Московской Руси;**

— николаевская эпоха, когда в качестве противоядия от освободительных идей, приведших к выступлению декабристов, была разработана теория официальной народности, просуществовавшая с незначительными изменениями до 1917 года;

⁴ Профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии, доктор юридических наук.

— советская эпоха, когда на основе коммунистического мировоззрения формировалась новая политическая и правовая культура;

— постсоветская эпоха, призванная решить те же задачи в принципиально изменившихся условиях.

Между названными этапами развития российской политической и правовой культуры имеются не только различия (порой очень существенные), но и преемственность, в одних случаях открыто провозглашаемая (петровский и николаевский абсолютизм), в других — отрицаемая, но выступающая как историческая неизбежность, груз традиций (советское время). С падением советского строя Россия вступила в период формирования новой политической культуры, которая и на сей раз не строится на голом месте и утверждается при активном участии государства.

Связь складывающейся в постсоветское время культуры с идеологией, пропагандируемой государством, может породить сомнения в связи с текстом ч. 1, 2 ст. 13 Конституции РФ 1993 года («В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной»). Эти положения в значительной мере носят публицистический характер. Любое государство, особенно современное, не может не прибегать к идеологическому обоснованию своей власти (Г. Моска называл это формулой власти). Каждая современная конституция выполняет определенные идеологические функции. Но в демократических государствах несогласие с признанными властью установками, если оно не представляет собой посягательства на основы существующего строя, не влечет уголовного наказания и любого иного ограничения прав. Видимо, именно это и хотели сказать авторы текста Основного закона РФ.

Идеологические принципы, положенные в основу Конституции РФ 1993 года, в известной степени явились продолжением тенденций, складывавшихся в годы перестройки. Упор делался на общечеловеческих ценностях. Особое место среди них занимали свобода, права человека, демократия, развитие институтов гражданского общества, плюрализм, гласность.

В период перестройки эти ценности, имеющие непосредственное отношение к политической и правовой культуре, мыслились в рамках коммунистического мировоззрения. Конституция 1993 года покончила с советской системой и коммунистической идеологией, поставив на первое место в перечне видов собственности частную собственность и не установив для нее никаких ограничений. В то же время идея общечеловеческих ценностей сохраняла значение, приобретя несколько иную форму «мировых стандартов». Последние распространялись не только на экономику, товары, но и на государственную и правовую систему, на политическую и правовую культуру.

Была выдвинута идея «современного государства», принципиально однотипного во всех «цивилизованных странах». Авторы текста Конституции видели цель в том, чтобы создать «современное государство» в России, руководствуясь мировыми стандартами. Они разработали возвращенную систему демократических институтов, принципов, свобод, не уступающую во многих отношениях либеральным режимам Запада. В этой системе есть, однако, одно чрезвычайно важное исключение. Это широкие полномочия Президента РФ, совершенно не сравнимые с компетенцией глав государств и правительств стран Запада, выводящие его из сферы действия принципа разделения властей и ставящие его над ветвями власти.

С позиций «мировых стандартов» это явление предстает как изъян демократии. Президентская власть не только по германскому, но и по французскому и даже по

американскому образцу, не говоря уже о парламентской республике, больше соответствовала бы критериям «современного государства». Но в этом отступлении от канонов сказалась политическая мудрость не составителей текста, а тех политических деятелей, которые были подлинными авторами конституции.

Широкие полномочия президента вывели власть из паралича, которым она страдала на рубеже 1980–1990-х годов, создали условия для реального выполнения государственных функций. Президент получил возможность во многом действовать независимо от кипения страстей в органах народного представительства. Сравнение политической ситуации в России и на Украине после изменения конституции этой страны, имевшего место в связи с избранием В. Ющенко президентом, свидетельствует в пользу российского варианта решения проблемы.

В целом идеология новой политической и правовой культуры при первом президенте России ориентировалась на мировые стандарты, декларировалось стремление как можно скорее воплотить их в жизнь. Ситуация несколько изменилась, когда меры второго президента по укреплению вертикали власти вызвали критику внутри страны и за рубежом. В этих условиях в политическую идеологию была внесена существенная поправка. Было заявлено, что руководствуясь общими принципами и идеалами демократии, Россия не может не считаться с национальными традициями и условиями.

Принципиально это правильная установка, применимая ко всем странам в зависимости от степени своеобразия их политической культуры и исторических обстоятельств. Споры возникают лишь в связи с реализацией этого принципа. Мысль о том, что в России должна сложиться совсем особая форма демократии, названной «суверенной», не приобрела широкой популярности и вызвала немало саркастических замечаний.

То что российскую наследственность не назовешь благоприятной с точки зрения демократии, не нуждается в доказательствах. Наша традиция — самодержавие и диктатура партии, легко склоняющаяся к личной диктатуре. В таких условиях демократическая культура сложиться не могла, и опыт постсоветской России об этом свидетельствует. Отсюда неизбежность переходных, несовершенных форм. Так называемая «суперпрезидентская республика» представляет такую форму. Концентрация власти способна повысить ее эффективность и оказаться, в конечном счете, благотворной, но сама по себе она ни в какой мере не содействует становлению демократических начал. В таких условиях исключительное значение приобретают методы осуществления власти, культивируемые ею традиции, пропагандируемые и отстаиваемые ею ценности.

Несмотря на преобладание начал единовластия, российская правовая и политическая традиция неоднородна. Отношение к ней не поддается однозначному определению. Именно поэтому важно решить, что из национальных традиций подлежит укреплению и развитию, что следовало бы отбросить, а что — преобразовать.

Ряд явлений, наблюдаемых в последние годы, ставит под сомнение демократическую ориентацию или, во всяком случае, противоречит ей. Эти явления непосредственно связаны с отношением к национальному культурному наследию и формированием новой политической и правовой культуры.

К их числу относятся:

1. Историческая мифология (выражение политолога И. Глебовой), выражающаяся в приукрашивании монархического прошлого, изображении отечественной истории до 1917 года как неуклонного роста благополучия, культуры, укрепления единства народа, поддержки власти с его стороны, утверждения прогрессивных начал во

всех сферах жизни; полное отрицание социально-экономической и особенно политической отсталости России, глубокого кризиса самодержавия. Применительно к государственно-правовым вопросам историческая мифология предлагается в двух модификациях — одни восхваляют так называемый «конституционный период», подавая его как логическое завершение эволюции русского абсолютизма, другие отстаивают самодержавие в чистом виде как единственную пригодную для России форму власти.

2. В связи с культом «России, которую мы потеряли» пропаганда резко отрицательного отношения ко всем русским революциям, отрицание их социально-экономической и политической обусловленности. В традиции «Вех» революции подаются как результат незрелости и злокозненности, «отщепенства» интеллигенции. Современная монархическая отечественная историография прибавила к этому лишь зарубежные правящие круги, власти, разведки и деньги. Какие бы то ни было положительные последствия революций не признаются. Многие сегодняшние отечественные монархисты склонны в советской истории выводить из-под огня критики только один период — Великой Отечественной войны, и только одно лицо — И. В. Сталина.

3. Неуклонно расширяющееся и активизирующееся внедрение православия в политическую и правовую культуру, наблюдающееся ныне не только в общественно-политической жизни, но и в теоретической юриспруденции. Религия как частное дело гражданина, церковь как важный институт общественной и нравственной жизни не устраивают многих ревнителей православия. Все громче раздаются призывы сделать православную церковь государственной, а православие — государственной идеоло-

гией. Сторонники этой точки зрения каждый день празднуют маленькие победы на намеченном пути.

4. Признание социального неравенства плодотворным, культ богатства, призывы не подавлять «активные слои» во имя справедливости. Популяризация идей элитизма, создания национально ориентированного «правящего слоя».

5. Наконец, провозглашение в качестве социально-политического кредо консерватизма, характерное для идеологов «Единой России» и находящее подтверждение в отмеченных выше положениях. Все это «идеологическое наполнение» позволяет отодвинуть на задний план или снять полностью проблемы социальной стратификации и справедливости.

Определение названных тенденций, за исключением приверженности «Единой России» консерватизму, как государственной политики может вызвать возражения. Но их пропаганда в средствах массовой информации, в значительной степени контролируемых государством, очевидна. Массовая пропаганда не может не влиять на состояние политической и правовой культуры. Правильно ли взятое направление? Разумно ли пытаться возродить в России XXI века в слегка измененной форме «теорию официальной народности», идеологию русского самодержавия? Во всяком случае напрашивается вывод, что эти идеи плохо вяжутся с принципами демократического, светского, правового и социального государства, зафиксированными в Конституции РФ 1993 года. Их полное осуществление в современных условиях едва ли возможно. Какой-то переходный период необходим, но он должен вести к провозглашенному идеалу, а не в противоположном направлении.